

15

Где воды Овна-реки, руно омывающей в море,
Не позволяют пескам никогда оставаться сухими, –
Титира голос ко мне донесло дуновение Евра;
И в дуновении том ароматы с высоких Меналов
Слух услаждают, в уста молока мне влага струится.

20

Этакой сладкой сыты никогда не пришлось и отведать
Пастырям стад, хоть они поголовно аркадяне родом.
Нимфы Аркадии всей ликуют, слушая песню,
И пастухи, и быки, и лохматые козы, и овцы;
Уши подняв, устремляются с гор даже сами онагры,

25

Даже и фавны, смотри, с холма Ликейского скачут.
Думаю: «Если овец воспевают Титир и козлиц
Или же стадо пасет, зачем ты гражданскую оду,
В городе сидя, запел, коли дудки Бенакской свирели
Звучным натерли тебе пастушеским губы напевом?

30

И от тебя, пастуха, пусть услышит он песню лесную». —
Толстые тут же стволы отложив, я, нимало не медля,
Тонкие дудки беру и, губы надув, начинаю:
«О богоравный старик, ты вторым будешь после Марана,
Да и теперь ты второй или сам он, коль можно поверить,

35

Как Мелибей или Мопс пророку Самосскому верит.
Но хоть – о горе! – живешь ты под пыльным и грязным навесом
И, справедливо гневясь, ты рыдаешь о пастбищах Сарна
Отнятых – стыд и позор тебе, город неблагодарный! –
Мопса, прошу, своего пощади, не давай ему слезы

40

Горькие лить, и себя и его ты не мучай, жестокий.
Он ведь с любовью такой к тебе льнет, с такой, повторяю,
Ласковый старец, с какой прижимается к стройному вязу
Сотней извивов лоза, неотступно его обнимая.
О, коли русыми вновь ты свои бы увидел седины